

7. Философский словарь / [под ред. В. Шинкарука]. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: глав. ред. УРЕ, 1986. – 876 с.

8. Цветков П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе / П. Цветков. – Л.: Ленинградский ун-т, 1962. – 402 с.

9. Колесник В. Некоторые проблемные вопросы предъявления лица и вещей для опознания по действующему УПК Украины / В. Колесник // Вестник академии адвокатуры Украины. – № 1 (26). – 2013. – С. 163–168.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В РАБОТУ ЭЛЕКТРОННО- ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ МАШИН

Юрий БЕЛЬСКИЙ,
адъюнкт кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел

Summary

In article theoretical research is providing of current Criminal Code. Explored issues of qualifying elements of a crime under art.361 of Criminal Code of Ukraine and suggest ways to improve Law of Ukraine on criminal liability for unauthorized interference to computer's (PCs) work, automated systems, computer networks or telecommunications networks. The true understanding of aggravating circumstances art. 361 of Criminal Code of Ukraine will lead to a correct application of law and due and proper sentencing for committed crimes.

Key words: computers, qualified indications, crime collaboration, responsibility for crime.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование положений действующего Уголовного кодекса, исследованы вопросы о квалифицирующих признаках состава преступления, предусмотренного ст. 361 УК Украины, и предложены пути совершенствования Закона Украины об уголовной ответственности за несанкционированное вмешательство в работу ЭВМ (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей или сетей электросвязи. Именно понимание квалифицирующих признаков ст. 361 УК Украины приведет к правильному применению норм права, а впоследствии и правильному назначению наказания за совершенные преступления.

Ключевые слова: ЭВМ, квалифицированные признаки, соисполнение, уголовная ответственность.

Постановка проблемы. В современном мире развитие компьютерных преступлений продвигается очень быстрыми темпами, так как быстрое развитие новых технологий способствует более широким возможностям для совершения этого рода преступлений. Поэтому важным является указание в диспозиции ст. 361 УК Украины квалифицирующих признаков этого преступления. Но на сегодняшний день указанные квалифицирующие признаки нуждаются в доработке и совершенствовании с учетом современных условий совершения преступлений.

Цель статьи состоит в научно-теоретическом анализе положений действующего УК Украины в части выделения и исследования квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 361 УК Украины (несанкционированного вмешательства в работу ЭВМ (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей или сетей электросвязи);

выделения существующих проблем и поиска путей их решения.

Изложение основного материала. Прежде всего, считаем необходимым сформулировать некоторые исходные положения, на которых базируется наше исследование. Квалифицирующими признаками в уголовном праве являются признаки состава преступления, которые свидетельствуют о повышенной общественной опасности деяния в сравнении с признаками, описанными в основном составе преступления. К квалифицирующим признакам, которые могут возникать при совершении преступления, предусмотренного в ст. 361 УК Украины, следует отнести следующие:

- совершение преступления повторно;
- по предварительному сговору группой лиц (в соучастии);
- причинение значительного вреда.

Эти признаки прямо предусмотрены в части 2 ст. 361 УК Украины и изложе-

ны следующим образом: действия, предусмотренные частью первой указанной статьи, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, или, если они причинили существенный вред [5].

По мнению Д.С. Азарова, при определении повторности преступлений, предусмотренных разделом XVI Особенной части УК Украины, недостаточно ограничиваться законодательным закреплением, как квалифицирующим признаком повторности только тождественных преступлений. Поскольку, по мнению исследователя, предусмотренные этим разделом общественно опасные посягательства очень близки по своей сути, и характерным есть совершение этих преступлений неоднократно в разных комбинациях. Исследователь предлагает дополнить примечание к ст. 361 УК Украины нормой, которая определит преступление, совершенное повторно, если лицо совершило ранее одно из преступлений, предусмотренных статьями указанного раздела. Такое дополнение, по его мнению, позволит квалифицировать совершение повторно не только двух или более тождественных, но и однородных преступлений [1, с. 158]. Подобное предложение предоставляет С.А. Орлов, который предлагает считать совершенными повторно преступления, предусмотренные ст. 361, 362 УК Украины, в случае совершения ранее любого из этих преступлений [8, с. 180].

Различают четыре формы соучастия: 1) группа лиц; 2) группа лиц по предварительному сговору; 3) организованная группа; 4) преступная организация.

Соучастие, как форма преступной деятельности, характеризуется наличием обязательных объективных и субъективных признаков. Объективные признаки бывают количественные и качественные. Количественный признак характеризует количество участников преступления. Статьей 28 УК Украины определено, что минимальная группа лиц состоит из двух человек, а также в соответствии со ст. 18 УК Украины соучастниками преступления могут быть только субъекты преступления. То есть, соучастниками могут быть только физические вменяемые лица, совершившие преступление в возрасте, с которого может наступать уголовная ответственность. Поэтому не имеет уголовно правового значения со-

вместное участие в совершении общественно опасного посягательства двух малолетних или невменяемых лиц. То же касается случаев, когда только один из участников такого посягательства отвечает всем признакам субъекта преступления [4, с. 96].

К субъективным признакам соучастия следует отнести умышленный характер совместных действий соучастников и умышленный характер преступления [68, с. 6]. То есть, наличие общего умысла, что находит свое выражение в общности действий всех соучастников. А.А. Кваша к субъективным признакам соучастия относит следующие: 1) осознание каждым субъектом преступления общности совершенных преступных деяний с другими участниками; 2) осведомленность каждого о действиях исполнителя; 3) осознание каждым субъектом общей цели совершаемых действий; 4) желание или сознательное допущение наступления единого преступного результата [4, с. 137]. То есть волевой момент умысла соучастников характеризуется желанием или сознательным допущением единого для всех соучастников преступного результата. При этом мотивы и цели всех соучастников не всегда обязательно должны быть одинаковыми.

При квалификации нужно определиться с тем, какие проявления соучастия могут охватываться квалифицирующим признаком, поскольку соучастие может проявляться в двух формах – простой и сложной. Простое соучастие (соисполнительность, совинновность) имеет место там, где все соучастники являются исполнителями преступления, выполняют однородную роль, их действия могут иметь различный характер. Сложное соучастие (соучастие с распределением ролей) состоит в том, что соучастники выполняют разнородные роли, здесь имеет место распределение ролей – один или несколько из них – исполнители, другие – подстрекатели, пособники и тому подобное. Нужно обратить внимание, что понятие «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» охватывает как характер взаимодействия между исполнителями, когда они совместно выполняют часть преступного деяния, так и когда они выполняют действия с распределением функций (распределением ролей). При этом соучастие с рас-

пределением функций содержит более опасный характер.

В уголовно-правовой науке и отечественной судебной практике преобладает сформулированное еще советской уголовно-правовой доктриной понимание квалифицирующего признака – совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, как соисполнение, то есть, когда все соучастники принимают непосредственное участие в реализации объективной стороны преступления. Следует отметить, что в пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 5 от 26 апреля 2002 г. «О судебной практике по делам о взятничестве» и в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 2 от 07 февраля 2003 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека» при толковании квалифицирующего признака «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» в обоих случаях используется термин «соисполнители», что свидетельствует о том, что Пленум ВСУ также склоняется к определению квалифицирующего признака «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц», как совершение преступления в соисполнительстве по предварительной договоренности (понимании) между лицами, которые совершают преступление.

Основой для назначения наказания за деяние, совершенное в соучастии, есть наличие причинной связи, которая представляет собой объективно существующую связь между совместными действиями всех соучастников и общим преступным результатом. Особенностью причинной связи в преступлении, совершенном в соучастии, является то, что объективная связь устанавливается судом не только между действиями исполнителя и общественно опасными последствиями, а и между действиями подстрекателя, организатора, пособника, с одной стороны, и действиями исполнителя – с другой. Относительно уголовной ответственности соучастников в науке уголовного права преобладают две теории: акцессорный ((несамостоятельный) от лат. слова *accessorium* – «дополнительный») характер соучастия, который определяет основанием уголовной ответственности соучастников деяния исполнителя, имеющего признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом,

то есть соучастник привлекается к ответственности по той же статье, что и исполнитель [4, с. 141].

Другая теория основывается на необходимости установления самостоятельной уголовной ответственности для каждого соучастника преступления за совершенные им действия. Она согласуется с одним из основополагающих принципов уголовного права: индивидуальной ответственности лица за совершенное преступление. А именно, в соответствии со ст. 2 УК Украины к лицу могут быть применены меры уголовно-правового характера только тогда, когда оно совершит деяние, содержащее состав преступления, предусмотренного УК Украины. И.В. Красницкий определяет, что лицо может быть привлечено к ответственности за совершение им одного или нескольких общественно опасных деяний, содержащих признаки одного или нескольких, предусмотренных УК Украины, составов оконченного преступления, подготовка к преступлению, покушение на преступление, а также организация преступления, подстрекательство к преступлению или пособничество в преступлении [6, с. 8].

О.О. Кваша указывает, что в отечественном криминальном праве присутствует симбиоз двух теорий, поскольку при исключительном применении лишь акцессорной теории следует выходить из того, что деяния соучастников имеют в отношении к действиям исполнителя дополнительный характер, потому в случае непривлечения к ответственности исполнителя преступления (например, при добровольном отказе) не могут привлекаться к ответственности другие соучастники. Также при эксцессе исполнителя другие соучастники привлекались бы к ответственности за совершенное исполнителем преступление, которое не охватывалось их умыслом [4, с. 146]. Следует согласиться с такой позицией и указать, что обстоятельства, которые отягощают ответственность и предусмотрены частью 2 ст. 361 УК Украины как признаки преступления, которые влияют на квалификацию действий исполнителя, относятся лишь к вине соучастника, который осознавал эти обстоятельства. Если соучастники не осознавали их существования, то они за них ответственности не несут. Организатор, подстрекатель, пособник освобождаются от

уголовной ответственности, если есть наличие добровольного отказа, когда они своими действиями (как правило, активными) предотвратят совершение преступления исполнителем (например, не предоставляя орудий преступления) (ч. 2 в. 31 КК) [4, с. 146, 157].

Следует обратить особое внимание на преступления, которые совершаются организованной преступностью, то есть совершенные организованной группой или преступной организацией, поскольку развитие современных технологий и распространение глобальных информационных сетей, в частности сети Интернет, предоставили возможность совершать традиционные преступления новыми способами, а также привели к появлению такого феномена, как организованная киберпреступность [2, с. 121]. М.В. Бутузов предлагает рассматривать организованную киберпреступность, как подвид общей организованной преступности. И определять ее, как совокупность преступлений, что совершаются в связи с созданием и деятельностью организованных преступных группировок [2, с. 124]. Как и обычная организованная преступность, организованная киберпреступность характеризуется стойкостью объединений, иерархичностью и наличием единственного плана для всех соучастников такого объединения с распределением функций для его реализации.

Определение размера вреда, который стал результатом преступления, также имеет существенное значение для решения вопроса о степени вины и назначения наказания. Относительно содержания и сущности вреда, который причиняется преступлением, среди ученых существует два взгляды. Первый заключается в причинении вреда общественным отношениям, второй заключается в определении вреда через причиненные обществу и опасные последствия преступления [3, с. 25]. Первый вид устанавливается нормами уголовного права, поэтому причинение вреда в этом случае считается совершением преступления. Второй вид характеризуется следствием уже совершенного преступления.

Именно такой вид вреда определен примечанием к ст. 361 УК Украины, которая является квалифицирующим признаком для статей 361-362, 363-1. В ст. 363 УК Украины этот признак выступа-

ет в качестве признака основного (простого) состава преступления. Следует обратить внимание на ч. 2 в. 363-1 УК Украины, в которой также содержится ссылка на значительный вред, как квалифицирующий признак. Указанный признак отмечается вместе с другими, такими, как совершение повторно или по предварительному сговору группой лиц, однако инкриминировать виновному их возможно лишь при причинении значительного вреда. Д.С. Азаров объясняет такую формулировку статьи невнимательностью законодателя при разработке статьи, в которой перед словом «если» не употреблено связующее «или» [1, с. 158].

В примечании к ст. 361 УК Украины указано, что значительным вредом в статьях 361-361-1 следует считать материальные убытки, которые выражаются вредом, который в сто и более раз превышает необложенный налогом минимум доходов граждан. Такое понятие значительного вреда существенно отличается от понятия значительного вреда, что представляется в разделе VI «Преступления против собственности», а именно в примечании к ст. 185 УК Украины, значительный вред приводится вместе с понятиями преступления, совершенного в крупных и особенно крупных размерах. В указанном примечании критерием разграничения понятий значительный вред и вред в крупных, и особенно крупных размерах, есть размер убытков, нанесенных потерпевшему, который определяется количеством необложенных налогом минимумов доходов граждан. Значительный вред определяется размером убытков от ста до двухсот пятидесяти необложенных налогом минимумов доходов граждан. Критерием вреда в больших размерах являются убытки для потерпевшего, которые в двести пятьдесят и более раз превышают необложенный налогом минимум доходов граждан, и соответственно вредом в особо больших размерах признаются убытки, которые в шестьсот и более раз превышают необложенный налогом минимум доходов граждан. По этому поводу следует указать, что такое изложение норм в УК Украины противоречит мысли, которую приводит В.О. Навродский, а именно: «Одинаковые термины в разных статьях Уголовного кодекса имеют одинаковое содержание» [7, с. 40]. Для определения

одинаковых понятий следует выделить позицию З.А. Тростюк, которая обращает внимание на то, что на сегодня существует непоследовательность обозначения понятий внутри понятийного аппарата. В частности, одним из проявлений нарушения единства в использовании терминологии есть неуместное употребление синонимии и дублирование (терминов, объединенных одним и тем же научным объектом, что имеют одну дефиницию). По ее мнению, для достижения четкости и понятности терминологического аппарата Особенной части УК Украины, единства ее терминологии нужно, чтобы каждое криминально-правовое понятие определялось отдельным термином. То есть, одному понятию должен отвечать один термин или терминологический оборот. Именно нарушением такого соответствия есть наличие в терминологическом аппарате синонимов и дублетов [10, с. 71–72].

Целесообразно и логично было бы использовать для учитывания размера причиненного вреда за преступления, предусмотренные разделом XVI и ст. 361 УК Украины, в частности термины, которые приводятся в примечании к ст. 185 УК Украины. Это позволило бы более глубоко дифференцировать ответственность, тем самым избежать повтора для определения одного и того же термина в разных статьях УК Украины. Подобной мысли придерживается Д.С. Азаров, который предлагает предусмотреть особо квалифицирующие признаки в виде причинения преступлениями, предусмотренными разделом XVI, вреда в большом и особенно большом размере, которые устанавливались бы на уровне двухсот пятидесяти, шестисот и более необложенных налогом минимумов доходов граждан [1, с. 161]. Полное применение примечания, определенного ст. 185 УК Украины к ст. 361 УК Украины, невозможно, поскольку указанное примечание содержит недостатки и нуждается в совершенствовании. В ней используется понятие «причинение значительного вреда потерпевшему». На практике использование такого терминологического оборота приводит к коллизиям, поскольку в зависимости от материального положения потерпевшего суд может и не признавать вред значительным даже при наличии минимальных убытков, определенных законом.

Ранее к изменениям, внесенным в 2003 году в примечание к ст. 361 УК Украины как квалифицирующий признак, вместо термина «значительный вред» употреблялся термин «существенный вред». Недостатком такого понятия было то, что оно носило оценочный характер, что порождало неоднозначность его толкования. В частности учеными приводились позиции относительно нецелесообразности применения термина «существенный вред» на основании того, что в отдельных случаях при его отсутствии деяния можно было бы признать малозначительными. Кое-кто из исследователей даже предоставлял определение существенного вреда как такового, что нанес моральные убытки. Такая позиция при дальнейшем использовании термина «существенный вред» могла бы быть поддержана судебной практикой. Так, в частности в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий» от 26 декабря 2003 года № 15 предоставлено разъяснение, что если вред заключается в причинении общественно опасных последствий нематериального характера, вопрос о ее существенности решается с учетом конкретных обстоятельств дела. В частности, существенным вредом могут признаваться нарушения охраняемых Конституцией Украины или другими законами прав и свобод человека и гражданина (право на свободу и личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища, избирательные, трудовые, жилищные права и тому подобное), подрыв авторитета и престижа органов государственной власти или органов местного самоуправления, нарушение общественной безопасности и общественного порядка, создание обстановки и условий, которые утрудняют выполнение предприятием, учреждением, организацией своих функций, укрывательство преступлений. При решении вопроса о том, является ли причиненный вред существенным, нужно также учитывать количество потерпевших граждан, размер морального вреда или упущенной выгоды и тому подобное. В случае причинения вместе с материальными убытками вреда нематериального характера общий вред от преступления может признаваться существенным даже в случае, когда отмеченные убытки не превышают

100 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан [9]. По нашему мнению, дальнейшее использование термина «существенный вред» повлекло бы неправильное восприятие и понимание причиненных убытков общественным интересам, которые охраняются разделом XVI УК Украины, потому в целом следует положительно отметить его изменение и дальнейшее использование термина «значительный вред».

Выводы. Как квалифицирующие признаки несанкционированного вмешательства в работу ЭВМ следует выделить следующие: совершение повторно, по предварительному сговору группой лиц с целью причинения значительного ущерба. По нашему мнению, повторным следует признавать преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных статьями 361-363-1, такой признак следует предусмотреть в примечании к ст. 361 УК Украины, поэтому при повторности ее следует считать «специальной». При определении несанкционированного вмешательства повторным не имеет значения, было ли осуждено лицо за ранее совершенное преступление или нет. Относительно предварительного сговора группы лиц, то она является одной из форм соучастия и имеет место в случае совершения несколькими (двумя и более) субъектами этого преступления, которые заранее договорились о его совместном совершении. При совершении несанкционированного вмешательства по предварительному сговору группой лиц, по крайней мере, два соучастника должны действовать как соисполнители. При этом их действия следует квалифицировать по ч. 2 ст. 361 УК Украины без ссылки на ст. 27 УК Украины, действия других соучастников следует квалифицировать по ч. 2 ст. 361 УК Украины со ссылкой на соответствующую часть ст. 27 УК Украины. Также во избежание повторности терминов в Уголовном кодексе Украины стоит унифицировать некоторые понятия, в частности терминологию относительно определения значительного вреда. Для дифференциации наказания за преступление, предусмотренное ст. 361 УК Украины, в примечании статьи стоит предусмотреть такие квалифицирующие признаки, как причинение вреда в крупном и особо крупном размере.

Список использованной литературы:

1. Азаров Д.С. Злочини у сфері комп'ютерної інформації (кримінально-правове дослідження) : [монографія] / Д.С. Азаров. – К. : Атіка, 2007. – 304 с.

2. Бутузов В.М. Злочини у сфері використання електронно-обчислювальних машин (комп'ютерів), систем та комп'ютерних мереж і мереж електрозв'язку. Науково-практичний коментар / В.М. Бутузов, С.Л. Остапеч, В.П. Шеломенцев. – К. : Друкарня МВС України, 2005. – 86 с.

3. Есаков Г.А., Рагулина А.В., Юрченко И.А. Осознание, как компонент интеллектуального элемента умысла: дискуссионные вопросы // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 24–30.

4. Кваша О.О. Співучасть у злочині: структура та відповідальність : монограф. / О.О. Кваша; НАН України; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – Луганськ : РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2013. – 560 с.

5. Кримінальний кодекс України від 05.04.2001 № 2341-III. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

6. Красницький І.В. Поняття, підстави та форми кримінальної відповідальності за кримінальним правом Франції та України: порівняльний аналіз : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / І.В. Красницький. – Львів, 2005.

7. Навроцький В.О. Наступність кримінального законодавства України (порівняльний аналіз КК України 1960 р. та 2001 р.). – К.: Атіка, 2001. – 272 с.

8. Орлов С.О. Кримінально-правова охорона інформації в комп'ютерних системах та телекомунікаційних мережах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.О. Орлов; Національний університет внутрішніх справ. – Х., 2004. – 213 с.

9. Про судову практику у справах про перевищення влади або службових повноважень: постанова Пленуму Верховного Суду України № 15 від 26 грудня 2003 року // Вісник Верховного Суду України. – 2004. – № 2. – С. 7–9.

10. Тростюк З.А. Понятійний апарат Особливої частини Кримінального кодексу України: Монографія. – К.: Атіка, 2003. – 144 с.

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНОМ РАССЛЕДОВАНИИ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ТАЙНЫ ОБЩЕНИЯ

Денис БЯЛКОВСКИЙ,

аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Института национального и международного права
Международного гуманитарного университета

Summary

The article discusses problem of implementation of principle of secrecy of correspondence at stage of pre-trial investigation. Based on analysis of law of criminal procedure and international norms author reveals essence of right to privacy of correspondence and other means of communication, as well as essence of judicial control at stage of pre-trial investigation and its importance in implementation of principle of secrecy of correspondence. The author analyzes criminal procedural measures and actions that restrict a person right to privacy of correspondence, telephone conversations, telegraph and other communications, and identifies ways to improve national legislation regarding the implementation of principle of secrecy of correspondence in criminal proceedings.

Key words: constitutional principles, criminal proceedings, pre-trial investigation, judicial control, secrecy of correspondence.

Аннотация

В статье рассматривается проблема реализации принципа тайны общения на стадии досудебного расследования. На основе анализа уголовного процессуального законодательства и международных норм раскрывается сущность права лица на тайну общения, а также сущность судебного контроля на стадии досудебного расследования и его значение в реализации принципа тайны общения. Осуществляется анализ уголовно-процессуальных мер и действий, ограничивающих право лица на тайну переписки, телефонных разговоров, телеграфной или иной корреспонденции, а также определяются пути совершенствования национального законодательства относительно реализации принципа тайны общения в уголовном процессе.

Ключевые слова: конституционные принципы, уголовный процесс, досудебное расследование, судебный контроль, тайна общения.

Постановка проблемы. «История свободы – это история процессуальных гарантий» [1]. Принцип тайны общения является одной из основных гарантий права человека на уважение частной и семейной жизни и находит свое отображение в ряде международных документов. Так, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [2]. Аналогичная норма содержится в ч. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [3]. Ч. 1 ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и

основных свобод» предполагает, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Ч. 2 устанавливает возможность вмешательства органов государственной власти в осуществление данного права в случаях, когда вмешательство осуществляется в соответствии с законом и является необходимым в демократическом обществе в интересах национальной и общественной безопасности или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц [4]. Конституция Украины также устанавливает, что каждому гарантируется тайна переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции. Исключения могут быть установлены